

ЛЕГИТИМНОСТЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРАВА

Антонов М.В.

(Санкт-Петербург)

Рациональность и экономический выбор в праве: генезис и контекст проблемы

В европейской правовой культуре принято рассматривать правовую норму как руководство к действию, способное определять поведенческий выбор субъектов права. Основная проблема, которую мы кратко попытаемся представить, заключается в том, может ли определять поведение субъекта не только норма (нормативное явление, предписание, представление, правило), но также и практические (прагматические) соображения, которыми субъект руководствуется в своей повседневной деятельности. Эта проблематика, собственно, выводит нас на вопросы применения экономического анализа в праве. Несмотря на кажущуюся интуитивную простоту решения этой проблемы – «разумеется, в своей деятельности юрист должен принимать во внимание экономические соображения», «разумеется, юрист как юрист должен следовать нормам, даже если их соблюдение невыгодно» - здесь скрыт целый комплекс философских вопросов и трудностей, которые на протяжении веков являются предметом активных дискуссий среди западных теоретиков и философов права. Казалось бы, сама по себе отечественная догма права в том виде, в котором она излагается в учебниках и монографиях по теории государства и права, по определению делает построения сторонников экономического анализа в праве неприменимыми для отечественного правопорядка. Распространенная в постсоветской юриспруденции доктрина правового регулирования исходит из понимания этого процесса как регулирования государством общественных отношений посредством издания общеобязательных норм поведения. Регулятивное воздействие государства описывается при помощи концепта «механизм правового регулирования», понимаемого как «система правовых средств, организованных в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права». ¹ В этом механизме, который «в рамках правоправедения представляет собой методологическую категорию, конкретизировано выражающую требования материалистической диалектики по

¹ Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3. С. 57 и далее.

отношению к явлениям правовой действительности»,¹ принято выделять три основные части: правовые нормы, правоотношения и акты реализации прав и обязанностей субъектами правоотношений. Очевидно, что в этом разрезе не усматривается возможности для применения прагматических соображений при применении правовых норм. Судья, если воспользоваться эпитетом Ш. Монтескье, должен быть «уста, произносящими слова закона»,² а судебные решения должны быть лишь силлогизмами, выводящими готовые решения из правовых текстов и применяющими их к конкретным спорным ситуациям. Для обычного гражданина остается альтернатива соблюдения, исполнения или использование права. Места для экономических рассуждений о полезности применения той или иной правовой нормы данная конструкция не оставляет. Здесь нас интересует не корректность всей этой экспликативной схемы в целом, а лишь тот ее момент, который связан с восприятием и соблюдением субъектом права нормативно-правовых предписаний. Данный концепт механизма правового регулирования опирается на известную еще со времен Дж. Остина идею о том, что основным признаком права является его принудительность, выраженная в возможности и способности государственного аппарата применить санкции за нарушения правовых предписаний. Эта схема исключает из сферы юриспруденции международное, каноническое право и некоторые другие виды «позитивной морали», которые не опираются на государственное принуждение, и не дает на известный вопрос Августина Аврелия о том, чем же государство отличается от шайки разбойников, а его команды – от приказов рабителей. Неадекватность этой схемы для потребностей правоведения вызвала ее пересмотр в теоретическом правоведении 20 века, причем не только со стороны представителей реалистической, социологической и юснатуралистической юриспруденции, но и со стороны ведущих представителей юридического позитивизма (точнее, нормативизма), включая Г. Кельзена, Г. Харта, Дж. Раза и других. Поэтому само по себе то, что применение экономического анализа несовместимо с правовой догмой, вложенной (и преимущественно вкладываемой до настоящего времени) в головы советских и российских юристов, не является достаточным основанием для отказа использования данной методики.³

Чем же правовое предписание (издаваемое государством или другими правотворящими институтами общества – для нашего анализа здесь это не так важно) отличается от команды или повеления, которые мы в качестве правовых не рассматриваем? Этот вопрос давно известен в философии права, со времен Аристотеля он обсуждается в призме практической философии («философии практического разума» в терминологии Канта). Многими правоведами (в частности, Кельзеном) было подмечено, что государственный порядок отличает себя от всех иных типов порядка именно за счет связи с правовыми нормами – такое отличие было бы лишено смысла, если право создавалось бы исключительно государством и поддерживалось только его силой. Большинство

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 9.

² «Но судьи народа, как мы уже сказали, — не более как уста, произносящие слова закона» (Монтескье М. О духе законов. М., 1964. С. 164).

³ Ср. с рассуждениями Р. Познера, одного из основателей экономического анализа права, о совместимости нормативистского и экономического подходов к праву: Познер Р. Кельзен, Хайек и экономический анализ права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 181-207.

(если не все) правовые порядки, в свою очередь, позиционируют себя как нечто большее, чем механизм принуждения, как нечто такое, что создает права и обязательства, которые должны быть приняты во внимание субъектами.

Дж. Раз (не только он один!) отметил, что сущность правовых норм (в отличие от обычных команд, поддержанных силой) заключается в том, что они представляют лицам основания для их действий, т.е. служат условным руководством к поведению (если лицо принимает данный правопорядок и проч.).¹ Среди этих оснований могут быть такие, что связаны с социокультурным контекстом существования человека в том или ином обществе, с моральным, религиозными, политическими и иными убеждениями. Одной из разновидностью оснований, которые правовые нормы предлагают человеку для поведенческого выбора, являются экономические соображения, основанные на расчете выгоды, прибыли, экономической эффективности и иных схожих прагматических основаниях. В настоящей работе мы кратко остановимся на генезисе представлений о нормативной природе таких прагматических оснований, что позволит увидеть не только строго нормативные основания и препятствия для экономической оценки правовых предписаний (на этом аспекте мы основывали наши критические замечания относительно применения экономического анализа в российском праве²), но и более широкий философский контекст, в котором развиваются экономические оценки правовых норм.

Идеи применения экономических категорий и методов к изучению права, известные под собирательными терминами «экономический анализ права» или «право и экономика», стали одним из популярных направлений в современной западной юриспруденции. Впрочем, новым данное направление можно называть лишь условно. Эти идеи имеют очень длинную историю, которую можно возводить к рассуждениям античных философов о том, какими законами можно улучшить быт и благосостояние населения, каких крайностей законодателью следует избегать в правовом регулировании с тем, чтобы не подорвать здоровый интерес людей к экономическому развитию. К этому направлению мысли можно, к примеру, отнести полемику Аристотеля против идей своего учителя Платона об общности имущества и семей, либо филигранные формулировки римских юристов, выводящих правила человеческого поведения, которые принимались как нормативное руководство к действию более в силу убедительности аргументов, обращенных к разуму и экономическому интересу людей, чем из опасения государственно-организованных санкций. Достаточно долго данное направление правовой мысли оставалось на уровне общих рассуждений «о духе законов». Эти рассуждения были привычным местом в философско-правовой литературе Нового времени; трудно было найти мыслителя, рассуждающего о сущности права в отрыве от экономических условий существования человека. Это вполне объяснимо, поскольку право устанавливает границы и гарантии человеческой свободы, без которой по определению немислим никакой экономической обмен. Экономический обмен на постоянной основе и в долгосрочной перспективе оказывается наиболее выгодным для человека занятием, которое приносит больше, чем простой гра-

¹ Raz J. *Ethics in the Public Domain*. Oxford, 1994. P. 195-214.

² Ср.: Антонов М. В. О некоторых теоретических проблемах применения экономического анализа права в России // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2011. № 3. С. 10-25.

беж других людей, поэтому в истории мы можем встретить рассказы о том, как разбойники становились купцами и торговцами.

Это свойство общественной жизни замечательно продемонстрировал английский мыслитель 18 века Бернард Мандевиль, прославившийся своим произведением – «Басней о пчелах», в котором в сжатом виде дан манифест экономического понимания правил правового регулирования. В основу этого труда положен памфлет в стихах, опубликованный в 1705 г. под названием «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными». Затем эта поэма многократно переиздавалась под названием «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – благо для общества» с добавлением «Исследования о происхождении моральной добродетели», «Исследование о природе общества» и других комментариев, в котором мыслитель описывал основополагающее значение экономических факторов для социального регулирования. Мандевиль нарисовал картину общества, в котором господствует несправедливость, от которой пчелы которых мечтают избавиться свой улей. Но в конечном итоге оказывается, что «то, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и юридическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является опорой всех профессий и занятий; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем».¹ С этой точки зрения задачей права являлось не искоренение социальных пороков и не установление справедливости, а лишь разумное ограничение несправедливости ввиду сохранения экономического процветания общества. Но мысль о том, что «самыми необходимыми качествами, делающими человека приспособленным к жизни в самых больших и самых процветающих обществах, являются его наиболее изменные и отвратительные свойства»,² многим тогда показалась крамольной и об экономическом анализе права и других социальных явлений на некоторое время забыли, тем более что позднее это направление было дискредитировано марксизмом.

Произведение Мандевилля произвело впечатление на умы современников и многие стали искать научное объяснение общества с точки зрения экономики. Адам Смит предложил изучение экономических законов, регулирующих обмен и накопление богатств в обществе, и их сравнение с законами юридическими с тем, чтобы выявить разумность и эффективности последних. Имеется в виду те законы и принципы, что представляются естественными для нормальной жизни социума, нарушение которых путем произвольного нормативного регулирования со стороны государства может повлечь экономический упадок общества. Смит был убежден в том, что государственное вмешательство, в том числе и через законы, в общественную жизнь должно быть минимальным – все основные экономические процессы может расставить на места «невидимая рука рынка». Смит анализировал случаи вторжения государства в экономическую деятельность: как успешные, когда удавалось установить общие рыночные правила и ограничить монополии, так и неудачные, когда государство пыталось указать предпринимателям пути использования капитала, ставило экономически необоснованные препятствия и барьеры для развития хозяйства. Это направление ча-

¹ Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. С. 329.

² Там же. С. 45.

сто было предметом рассуждений как до, так и после Смита, заслугой шотландского экономиста является постановка на научную основу данного вопроса – как увеличить благосостояние нации за счет правильного использования законодательных полномочий государственной власти.

Другое направление экономического понимания права получило развитие в трудах Иеремии Бентама, в поколении, следовавшем за Смитом, — это экономический анализ факторов, влияющих на нерыночное поведение: преступления, деликты, законодательные и политические процессы. Эти процессы, по мнению Бентама, также обусловлены экономическими факторами – идея, которую несколькими десятилетиями спустя разовьет Карл Маркс. Бентам предложил утилитаристскую модель калькуляции поведения рационального экономического агента (*homo economicus*) в правовых отношениях, одновременно разрабатывая первый в европейской философии права проект строго позитивистского учения о праве, который позднее будет завершён его учеником Джоном Остином.

Бентам был известен своими утилитаристскими воззрениями – верой в то, что все в личной и общественной жизни может быть измерено с помощью удовольствий и страданий. Такая универсальная мера для оценки всех событий и факторов не могла не дать соблазна применить ее и к праву, и к государственной деятельности. Мыслитель полагал, что люди действуют рационально, максимизируя свой собственный интерес в любой сфере жизни, преследуя то, что приносит удовольствие, и избегая всего того, что несет страдания. Это правило может быть применено ко всему спектру человеческой деятельности, а не ограничено собственно хозяйственной деятельностью, как это предполагал Адам Смит. Метод Бентама особенно отчетливо проявился в исследовании уголовного наказания. Он предположил, что люди, принимая решение о том, совершить ли им преступление, преследуют целью получить некую измеряемую экономическими величинами прибыль, так же, как они делают это при какой-либо рядовой сделке, поэтому проблема контроля над преступностью состоит в том, чтобы установить такой набор «расценок» на преступления, который воздействовал бы на две переменные, определяющие издержки наказания для потенциального преступника, — строгость наказания и его вероятность. Все остальные методы уголовной политики государства должны основываться именно на таком обращении к потенциальному преступнику как к экономическому агенту, рационально взвешивающему свою возможную прибыль и убытки.

Опубликование трех работ по экономической теории правового регулирования нерыночного поведения в период между 1959 и 1962 гг. стало отправной точкой для развития экономического анализа права в США. Это – монография Гарри Беккера о расовой дискриминации, статья Гвидо Калабрези о деликтном праве и статья Ричарда Коуза о социальных издержках неправомерного распределения ресурсов. Границы экономического анализа права как научной дисциплины были определены в 1970-е годы Ричардом Познером: он сформулировал основные задачи экономики права: во-первых, объяснение существующих правовых норм или структуры правовой системы в целом и, во-вторых, - поведения, на которое эти нормы оказывают влияние. Познер также показал, как экономический инструментарий может применяться для анализа различных отраслей права, таких как, например, договорное, семейное право, законодательство о неумышленном причинении вреда. Познер скорее обобщил существующие на тот момент попытки анализа права, однако сформулированный таким об-

разом подход смог получить признание не только среди экономистов, но и среди юристов. Этим последним особенно интересным представлялся анализ мотивов и аргументов, которые могут побудить судей принимать те или иные решения.

Если допустимо апеллировать к добрым нравам, справедливости или разумности, то почему бы в экономических спорах не применять соображения минимизации издержек, разумных ожиданий от рыночного поведения и другие соображения, которыми должны были бы руководствоваться лица, чей спор дошел до суда. Если судье следует разрешить этот спор, то ему не нужно возвышаться на уровень нормативных абстракций и философских принципов, а следует изучить те выгоды, которые преследовали судящиеся лица, т.е. практические основания их поведения, и оценить данные выгоды, а также соответствующие действия с точки зрения разумности и эффективности. Другое дело, что эти рассуждения оставляют мало места для собственно юридических норм и правовых принципов, которые наполняются судьями любым содержанием в зависимости от точки зрения на их эффективность. Для того чтобы избежать критики в этом аспекте, Познер выделяет позитивный экономический анализ, который определяет степень соответствия действующих правовых норм требованиям экономической эффективности, и нормативный анализ, в рамках которого изучается целесообразность внесения изменений в правовые нормы, в судебную доктрину, вынесения тех или иных правоприменительных решений, основываясь на выводах экономической теории.

Применительно к экономическому анализу права Познер выделяет две основные предпосылки. Во-первых, люди, даже принимая "нерыночные" решения, например выбирая скорость вождения автомобиля, проявляют рациональность и максимизируют свою выгоду от того или иного решения, учитывая связанные с таким выбором издержки. А во-вторых, нормы права устанавливают своего рода цены того или иного решения для человека. Изменение цен, таким образом, влияет на объем деятельности, которую индивид будет готов осуществить. Вслед за Коузом, Познер сформулировал гипотезу, согласно которой нормы общего права можно объяснить как намеренное или ненамеренное стремление к достижению эффективности. Но как же быть со справедливостью? Если доход не может быть перераспределен без издержек, то между справедливостью и эффективностью может возникнуть конфликт. Возникновение этого конфликта зависит от распределительных последствий эффективного решения и от того, какое распределение доходов считается справедливым в этом обществе. Предпочтительнее такое распределение дохода, которое приведет к максимизации общественного богатства. Сам же критерий максимизации богатства заключается в следующем правиле: Если блага находятся в руках людей, готовых предложить за них максимальную цену, то общество достигнет цели максимизации совокупного богатства.

Нельзя при этом не отметить, что экономический анализ права сформировался под влиянием методологических идей представителей американского правового реализма. Согласно реалистам, реальное право создается в индивидуальных судебных решениях, а нормы, принципы, законодательные установления — это лишь предсказание того, что фактически будут делать судьи (Оливер Холмс). Эти взгляды основывались на разделении «права в книгах» и «права в действии» (Роско Паунд), «бумажных норм» и «реального права»

(Карл Ллевеллин), фактическое содержание которого заполнялось прагматическими рассуждениями судей. Если исходить из этих теоретических конструкций, замысел экономического анализа как предсказания будущих судебных решений на основе принципов рационально-экономического мышления (минимизации затрат, наибольшей эффективности и т.п.) выглядел весьма убедительно.

Поэтому первоначально данное направление воодушевило немалое количество исследователей, которые пытались применить экономические модели и категории к анализу антимонопольного, налогового, корпоративного права и иных тесно связанных с хозяйственной деятельностью сфер правовой действительности, точнее, для реконструкции матриц экономической стратегии при анализе юридически значимых ситуаций в этих сферах. Именно в этом аспекте Калабреззи и другие основатели экономического анализа предлагали изучать процессы принятия юридических решений экономическими агентами, факторы, мотивы и цели, влияющие на рациональный выбор таких агентов, соображения об экономической эффективности решений правоприменителей. Все это, очевидно, было продуктивным полем не только для практических выводов и рекомендаций, но даже и для некоторых научных обобщений, основанных на философских посылах правового реализма. Со временем, эти рекомендации и обобщения обретали «научный вес» и становились руководством к действию для юристов, законодателей, судей, которые стали все шире использовать экономико-правовую риторику при обосновании принимаемых решений.

Под этими рассуждениями было и другое, уже юридическое основание. Как известно, один из основных тезисов американского правового реализма заключается в рассмотрении права как того, что о праве говорят судьи. А доктрина общего права (декларативная теория прецедента) исходит из того, что судья не творит, а находит право. Причем такое нахождение права не ограничено логическими рамками аналогии, а может опираться на фактические социальные процессы, из которых судья может вывести определенные правовые принципы. Поэтому экономические отношения могли без ущерба для правовой доктрины рассматриваться как одна из таких областей, из которой судьи могли брать рациональные модели поведения, абстрагируя их до уровня нормативных принципов. Все более широкое употребление экономических аргументов судьями приводило к тому, что применение этой аргументации в судебных решениях, создание прецедентов на основе моделей экономического поведения стали восприниматься как отдельный предмет для научного анализа права.

По мере накопления массива знаний в этой сфере создание новой научной дисциплины для обобщения этих знаний становилось все более заманчивым. Так, экономические понятия стали теми категориями, с помощью которых о праве стали говорить и думать судьи, склонные к оценке своих решений с точки зрения экономической рациональности; а экономические рассуждения судей о праве стали описывать специализирующиеся в этом направлении исследователи. Вместе с тем, под «правом» в данном аспекте имелось в виду преимущественно судебное право, поскольку заложенные в законодательстве формальные нормы поведения оставляли меньше простора для заполнения их иным реальным содержанием, чем то, которое имел в виду законодатель.

Анализ законодательства с точки зрения его соответствия экономическим ожиданиям общества до 80-х годов оставался в области политической экономики и не привлекал внимания сторонников «права и экономики», хотя в последние десятилетия стало модным анализировать и собственно экономические предпосылки, ожидаемые эффекты и выгоды от принятия отдельных законов.

Каковы же практические выводы из экономического анализа права? Как мы видели, в качестве одной из отправных точек экономического анализа послужило понятие предельной полезности, как инструмента социального выбора между несколькими альтернативами поведения. Под полезностью (эффективностью) в экономике обычно понимается минимальное количество издержек. В этом плане, полезность того или иного правового установления служит критерием выбора со стороны законодателя; и в то же время предполагается, что соревнование между несколькими альтернативными проектами юридического решения того или иного казуса приведет к «естественному» отбору, «выживанию» наиболее эффективного способа толкования нормы (такое толкование не обязательно должно быть логически безупречным и верным букве закона). Если же норма оказывается неэффективной и отторгается обществом, то на языке экономического анализа это означает, что такие институты значительно увеличили переменные издержки социальных связей, сделав тем самым более сложным, дорогим и долгим (издержки труда, денег и времени) правовое взаимодействие между членами данных систем права. В силу экономических факторов любое нововведение с высоким уровнем издержек рано или поздно обнаруживает свою неэффективность, заставляя законодателя пересмотреть норму. Если законодатель не принимает в расчет неэффективность нормы, само общество (точнее, социальные группы и сообщества, отдельные социальные акторы) перестает применять такой неэффективный институт, который мало-помалу становится «мертвой буквой» закона, либо же, что случается чаще, практика меняет сущность таких институтов, наполняя их новым содержанием. Полезность, понимаемая как степень минимизации издержек, может служить универсальным критерием, позволяющим сопоставлять разные правовые нормы, семьи, культуры с точки зрения их экономической и организационной, а следственно и социальной затратности.

Но эти выводы не могут восприниматься как безусловные (хотя немалая доля здравого смысла в них есть!). Говоря об экономическом понимании права, необходимо не упускать из вида сущность юридического регулирования, которая состоит, во-первых, в нормативности правовых предписаний и, во-вторых, в их властной императивности. Первое качество означает принципиальную независимость действительности (валидности) правовой нормы от любых фактических обоснований, а второе — наличие в обществе системы авторитетных публично-властных органов, регулятивная деятельность которых формально подчинена этим объективным правовым нормам. Ничего в этом смысле не меняют доводы о том, что нормы права по определению абстрактны и заполняются реальным содержанием только на практике, и что это содержание произвольно, диктуется экономическими выгодами и интересами. Ведь даже в этом случае не меняется нормативная сущность права, а случаи нарушения нормы, как бы часты они не были, на ее действительность не влияют. Наоборот, существование любой нормы имплицитно предполагает возмож-

ность ее нарушения — иначе это была бы не деонтическая норма, а природная закономерность. Хотя правовое регулирование не является абсолютно непроницаемым для влияния экономических факторов, тем не менее, указанные формальные свойства права не позволяют свести процесс правообразования и правоприменения к игре экономических сил, к работе «невидимой руки рынка», которые могут оцениваться только по количественным показателям. Тот «неявный экономический смысл»,¹ который можно обнаружить в законодательных и судебных решениях, обычно прямо не противоречит эксплицитно заложенным в этих решениях этическим принципам.

Другим достаточно важным соображением кажется необходимость поправки на различия в нормативном контексте и в правовой культуре. Экономический анализ права создан и в настоящее время более или менее успешно развивается именно в странах общего права, где по-прежнему высока доля судейского правотворчества, а статутное право не имеет решающего значения в юридической жизни. Поэтому «экономика и право» как возможность обогащения судебной риторики экономическими аргументами, создания новых экономически ориентированных прецедентов имеет вполне оправданное значение в США и других странах англосаксонской правовой семьи, где судья обладает немалой долей дискреции при выборе прецедента для решения находящегося перед ним дела, а при известных условиях даже может преодолеть правовую норму, создав и применив вместо нее другую². Для стран романо-германской правовой культуры экономическое влияние на право ограничено соображениями суверенитета государства и верховенства права, а законодательная деятельность парламентов преимущественно основывается на иных (социальная справедливость, общее благо и т.п.) принципах, чем экономические. Для континентального юриста очевидно, что принимаемые законодателем решения не всегда имеют в своей основе соображения минимизации издержек, а зачастую нормативно-правовые указания государственной власти (напр., в плане социальной политики) имеют совершенно противоположные цели и результаты. В этом отношении даже такие столпы разбираемого направления, как Ричард Познер, указывают на меньшую ценность экономического анализа континентального права по сравнению с общим правом.³ Оговорка о том, что даже области континентального права «пронизаны экономическими соображениями и объясняются методами экономического анализа»,⁴ выглядит не очень убедительно на фоне казуистических рассуждений Познера, которые не касаются нормативных аспектов статутного права. Это дает возможность сдержанно относиться к призывам о необходимости использования экономического анализа права в правоприменительной деятельности — такое использование предполагает изменение культуры правового мышления: отход от концепции юридического силлогизма в сторону более гибких представлений о правовом регулировании, от абстрактно-нормативного к более казуистичному стилю юридической техники. Насколько такие изменения реальны для российского правового сообщества в кратко- и среднесрочной перспек-

¹ Познер Р. О применении экономической теории и злоупотреблении ею при анализе права // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004. С. 340.

² См.: Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 104 и далее.

³ Познер Р. Экономический анализ права. С. 33.

⁴ Там же.

тиве, мы судить не беремся, но предпосылок для подобных изменений пока не так много.

Ветютнев Ю.Ю.

(Волгоград)

К вопросу об эстетической легитимации правовых ценностей

1. Право, строго говоря, не вырабатывает внутри себя собственной уникальной системы ценностей, а выступает формой обеспечения уже существующих ценностей общества. Оно образуется вокруг аксиологических сгущений. Специфика правовых ценностей состоит, во-первых, в том, что они носят формально признанный и официально определенный характер, закрепляются в системе нормативных источников, охраняются властью. Во-вторых, поскольку право регулирует исключительно внешние поведенческие акты людей, то правовые ценности должны выражаться в конкретных опредмеченных формах; духовные ценности (любовь, мудрость, красота и др.) в основном воспринимаются правом лишь постольку, поскольку возможно их материализованное проявление. В-третьих, правовые ценности, будучи нормативно значимыми, в силу этого неизбежно носят обобщенный, усредненный, типичный характер. Таким образом, правовые ценности могут быть определены как *типичные социальные предпочтения, получающие официальное нормативное признание и защиту*.

По своей природе они сочетают в себе как субъективное, так и объективное содержание. Субъективны правовые ценности в той мере, в какой они являются элементом индивидуального правового сознания и поведения, объективны – в той мере, в какой получают юридическую формализацию.

2. Будучи частью официального правопорядка, правовые ценности в этом качестве могут быть не только основанием легитимации, но и ее объектом, наравне с правовыми нормами и принципами. Это обусловлено тем, что легально признанные правовые ценности могут и не совпадать с реальными ценностными ориентациями субъектов права. Следовательно, необходима легитимация как процесс социального принятия и одобрения тех ценностей, на которых основывается существующий правопорядок или его отдельные элементы. Легитимность правовых ценностей может рассматриваться как степень социальной поддержки тех ценностных установок, которые закреплены в юридических текстах. Например, низкий уровень легитимности правовых ценностей имеет место в тех случаях, когда они формально декларируются, но фактически не разделяются и не культивируются в обществе.

Легитимация права и его ценностей происходит путем их соотнесения с иными нормативно-ценностными системами, существующими в обществе. Одним из способов легитимации может стать апелляция к эстетическому чувству. Как представляется, оно представляет собой универсальный тип человеческого